

УДК 294.321

А.А.Фокин, Р.В. Нутрихин**ИСТОРИЧЕСКАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА У КАЛМЫКОВ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье рассматриваются научные проблемы исторического соответствия буддизма российских калмыков конца XIX – начала XX века тибетскому оригиналу данного вероучения, а также религиозные связи калмыцкой буддийской общины (сангхи) с духовным центром ламаизма в Лхасе. Данные аспекты тибетского буддизма (ламаиз-

ма) исследованы в контексте дореволюционной культуры Ставропольской губернии. Показано влияние этой религии в провинциальной культуре на примере публикаций в газете «Северный Кавказ» и экспозиции музея в Ставрополе.

Ключевые слова: религия, тибетский буддизм, ламаизм, калмыки, Северный Кавказ.

A.A. Fokin, R.V. Nutrichin**HISTORICAL AUTHENTICITY OF THE TIBETAN BUDDHISM AMONG KALMYKS
OF STAVROPOL PROVINCE**

The article deals with the scientific problem of historic conformity of the Buddhism of the Russian Kalmyks at the end of XIX – the beginning of the XX century with the Tibetan original of this dogma, as well as religious links of the Kalmyk Buddhist community (Sangha) with the spiritual center of Lamaism in Lhasa. The aspects of the Tibetan Buddhism (Lamaism) are

examined within the context of pre-revolutionary culture of Stavropol province. The authors show the influence of this religion on provincial culture on the example of publications in the newspaper “The North Caucasus” and the exposition in the Stavropol Museum.

Key words: religion, Tibetan Buddhism, Lamaism, Kalmyks, the North Caucasus.

Одной из самых интригующих загадок в истории Ставрополя является распространение на его территории такого, казалось бы, далекого – как в географическом, так и в культурном отношении – тибетского буддизма. История Ставропольской губернии с незапамятных времен связана с калмыками. А они, в свою очередь, являются давними и наиболее близкими к Ставрополю приверженцами тибетского буддизма.

Еще в 1722 году, когда русский царь Петр I во главе большого войска пришел на Северный Кавказ, к нему в качестве союзника примкнул калмыцкий тайша Аюка, чем надолго расположил русское правительство к своему народу. Между тем, уже тогда калмыки были не только последовательными исповедниками буддийской веры, но и поддерживали тесную связь с Лхасой – главным религиозным центром тибетского буддизма. В частности, С. В. Фарфоровский отмечал,

что «тайша Аюк правил пятьдесят лет, получив от Далай-ламы титул хана» [7, с.73].

На важность для калмыков духовной связи с Лхасой указывал и знаменитый польский граф Ян Потоцкий, который побывал в «калмыцкой орде» во время экспедиции по Северному Кавказу. В своем путевом дневнике 1797 года Потоцкий пишет: «Авторитет Далай-ламы настолько велик среди монголов и калмыков, что их князья или ханы при восхождении на трон отправляют к нему посланников с богатыми дарами. Они также часто отправляют к нему прах своих предшественников, чтобы получить конфирмацию и благословение. Калмыцкие ханы, находящиеся под покровительством России, отправляли своих посланников секретно. Однако несколько раз им разрешили посылать их от Сибири» [6, с. 37].

В 1860 году из Астраханской губернии в состав Ставропольской перешел один из калмыцких улусов – Больше-Дербетовский.

К началу XX века, по данным С.В. Фарфоровского, в Ставропольской губернии на землях Больше-Дербетовского улуса «надел ламайского духовенства» составлял 3765 десятин, что равнялось по величине наделу земельной собственности всего калмыцкого дворянства. Кроме того, на Ставрополье имелось «два больших и три малых хурула и при них до 180 человек духовенства под начальством бакшей (из которых один старший). Духовенство ламайское, – писал ученый в 1908 году, – состоит из 26 гелюнгов, 23 гецулей, 21 манджика. При хурулах состоит до 180 учеников» [7, с. 84, 88]. Тибетский буддизм, стало быть, процветал в этой части Ставрополья.

Насколько же калмыцкая религия соответствовала ее тибетскому оригиналу? Тот же С.В. Фарфоровский оценивал их связь скептически: «В религиозном отношении калмыки придерживаются ламайского вероучения... Ламаизм калмыков является видоизменением буддизма. Секта эта основана реформатором Цгонкавою. Ламайское духовенство в России, удаленное от Тибета и почти не имеющее общения с главой религии Далай-ламой, изменило не только религиозную обрядность, но даже догматическую и каноническую сторону вероучения» [7, с. 87–88].

Трудно согласиться с выводами С.В. Фарфоровского, поскольку «ламаизм калмыков» никогда не был «видоизменением буддизма». Во всех странах, где распространена эта религия, она приобретает свой неповторимый, местный колорит и особую национальную окраску. Буддизм сравнивают с алмазом, который всегда окрашивается в цвет той поверхности, на которую он положен. Индийский, тайский, китайский, тибетский и многие другие национальные формы буддизма весьма между собой различны. Но каждая из них сама по себе вполне самодостаточна.

Подчеркиваемый Фарфоровским отрыв калмыцкого буддизма от своих тибетских корней не соответствовал действительности. Иначе этот вопрос освещался в 1902 году ставропольской газетой «Се-

верный Кавказ». В статье «Современное положение калмыцкого духовенства» отмечалось: «Ламаизм калмыцкий, которому до сих пор еще не посвящено специального исследования, по существу не отличается от монгольского, как и утверждает профессор Позднеев в предисловии к своему сочинению «Очерки быта буддийских монастырей». Приходится встречать мнение, что калмыки уже значительно забыли свою религию, что она во многом отличается у них от буддизма монголов. Мнение это совершенно неправильно. Правда, калмыки не имеют у себя хутухт или живых воплощений Боддисатв, но что же это значит? Они совершают те же самые обряды перед кумирами Будд и Боддисатв. У калмыков нет четырехсаженных кумиров Майдери, какие мы находим в Урге или Гусино-озерском дацане, но не все ли равно для существа религии, будет ли бурхан измеряться вершком или саженью? В последнее время калмыцкое духовенство религиозные указания непосредственно получает из Тибета. Фактами служат путешествие в Тибет из астраханских калмыков бакши База Менкеджеева и бакши Власовской станицы донских калмыков Бакбушова и других» [5, с. 2]. Из всего этого следует, что религиозная связь российских калмыков с тибетской Лхасой, которая отмечалась историками еще в XVIII столетии, не прервалась и в начале XX века. Сегодня, благодаря этой связи, у калмыков появляется традиция лам-перерожденцев. Нынешний Шаджин-лама – верховный лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче – признан Его Святейшеством XIV Далай-ламой реинкарнацией великого буддийского святого Тилопы.

В чем прав был С.В. Фарфоровский, так это в том, что историческим основоположником буддийской школы, к которой принадлежали ставропольские калмыки, являлся знаменитый тибетский святой XIV века Цзонхава. На калмыцких территориях Ставропольской губернии господствовала основанная им духовная линия Гелугпа (или «школа желтых шапок»), которая и по сей день остается доминирующей в традиционной буддийской сангхе России.

«Цгонкава, – писал Фарфоровский, – составил свое учение из целого ряда исповеданий тибетско-буддийских сект. Догматика Цгонкавы признается всеми буддийско-тибетскими сектами, которые отличаются между собою своими ритуалами... Цгонкава, изучив все, чему только в его время можно было научиться, не мог не видеть в грубых и наглых проделках шаманства жалкого состояния веры и народа. Он остановился на мысли, что человек может возвыситься, когда ему будет указан путь, по которому он должен следовать в этом мире, – путь обетов. «Если кто болен, – говорит Цгонкава, – то, желая избавиться от болезни, принимает лекарство. Почему же мы, испытывая болезнь мирских сует, не можем излечиться от них путем обетов?» Вот почему исполнение обетов, как выражение доброй воли, есть нравственное лекарство» [7, с. 88–90].

Догматика Цзонхавы исповедовалась этническими буддистами дореволюционной России весьма строго, без каких-либо заметных отклонений от тибетского оригинала этого вероучения. У калмыков Ставропольской губернии тибетский буддизм действительно был чрезвычайно развит. Он представлял собой довольно сложную систему религиозных доктрин, обрядов и духовных иерархий, которые в главных своих чертах ни в чем не расходились с буддизмом в самом Тибете.

Иерархия калмыцкого духовенства не отличалась от монгольской, а, следовательно, – и от той, что процветала тогда в тибетской Лхасе. Причем в Ставропольской губернии и сопредельных с нею областях, населенных калмыками, эта духовная иерархия соответствовала высоким тибето-монгольским образцам не только по форме, но и по содержанию, так как продвижение в ней здесь тоже предполагало качественное постижение большого объема разных знаний по тибетскому буддизму.

«Гелюн, удостоенный официального звания «штатного манчжика», – сообщила ставропольская газета, – обязан усвоить следующие богословские сочинения в пространных переводах: 1) двенадцать томов Дол-ва (закона духовной дисципли-

ны – санскрит. Виная Питака – под названиями: «Шил», «Лавжад-Дарду», «Намсалрамэ» и так далее; 2) восемнадцать томов сочинения Занкавы; 3) тома сочинений 5-го Далай-ламы Галсон-Джамцо – исторических, философских, этических (санскрит. Тант-тры – тайные изречения); 4) сочинения Джанджа Хатухту, семь томов – общие литературные произведения – шаштарин аймак; 5) сочинения Гаван Чандени, семь томов, излагающие правила посвящения в духовные саны, обрядов освящения вообще, правила устройства монастырей, правила иконописи и прочее; 6) медицинские сочинения: а) Зави-джюд, б) Шаби-джюд, в) Монгак-джюд, г) Чима-джюд, Лзонтаб, д) Дждю-нигнор; е) все комментарии к ним» [5, с. 3]. Столь солидное наполнение религиозного образования у российских калмыков до революции говорит о полной аутентичности местного буддизма канонам тибетской традиции, не оставляя никакой возможности для его серьезного отклонения от азиатских стандартов ни в вопросах вероучения, ни в ритуальной практике.

Основы буддийской веры ставропольских калмыков в начале XX века прекрасно изложил краевед С.В. Фарфоровский: «Ламаизм калмыков признает миры духовный (нирвана) и материальный (сансара) и сущность обоих их объединяет в понятии пустоты, конечной по отношению к миру материальному и бесконечной по отношению к миру духовному. Все предметы мира материального пусты по своей сущности, не вечны, подвержены изменениям и разрушению, а внешние формы их призрачны и обманчивы. Характерной чертой всего материального мира является мучение. Мир духовный или нирвана непостижима формам человеческого мышления, ибо сам свободен от всяких форм» [7, с. 88]. Удивительнее всего то, что это возвышенное учение, впервые проповеданное две с половиной тысячи лет назад в Индии Буддой Шакьямуни, столь полно дошло до Ставропольской губернии и на заре XX века исповедовалось здешними калмыками в его незамутненной чистоте!

Просто дух захватывает от мысли о том, что в ставропольских степях, среди войлочных кибиток кочевников и скотоводов, чьи житейские заботы редко выходили за рамки разведения овец и лошадей, приготовления нехитрых продуктов и ремесленных изделий, а также торговли всем этим, – что среди этих потомков воинственных орд Чингисхана, которых местное епархиальное начальство безуспешно пыталось обратить в православие, на протяжении стольких лет процветала традиция тибетского буддизма, учившая благородным истинам о космосе и пустоте, об иллюзорности внешних форм и смысле жизни.

Безусловно, все сказанное С.В. Фарфоровским о калмыцком религиозном укладе на Ставрополье касалось и всех остальных российских калмыков. Региональный акцент, сделанный в данной статье, обусловлен краеведческим характером настоящего исследования и спецификой используемого нами сугубо ставропольского исторического материала.

Рядом с вероучением ставропольских калмыков, которое, как видно, практически ничем не отличалось от чистейших форм тибетского буддизма, исповедываемых в те времена в самой Лхасе, в самом тесном соседстве стоит еще и практика религиозных ритуалов. И она тоже буквально до мелочей совпадала с храмовыми действиями, которые можно было наблюдать в буддийских монастырях на заснеженных вершинах и в предгорьях Тибета. Тесные контакты ставропольских калмыков с Лхасой касались даже получения оттуда предметов богослужбной утвари.

Итак, буддизм в Больше-Дербетовском улусе Ставропольской губернии соответствовал всем традиционным тибетским канонам. Географическая близость приверженцев буддийского вероучения не могла не сказаться и на культуре самого губернского города Ставрополя-Кавказского, где в начале XX века наблюдался большой интерес к буддизму [9, с. 238–242]. Особенно ярко это проявилось в творчестве ставропольского писателя Ильи Сургучева, который учился на восточном факультете

Петербургского университета и знал о буддизме отнюдь не понаслышке [8, с. 120–129]. Об интересе ставропольской публики к буддизму можно судить и по сообщениям местной прессы.

Так, например, в 1902 году ставропольская газета «Северный Кавказ» в рубрике «Заграничная жизнь» напечатала такую любопытную заметку: «Буддийская библия. Наши соседи монголы, по словам «Восточного Обозрения», придумали издать нечто необыкновенное, грандиозное, дорогостоящее, внушающее страх и твердую веру в буддизм. Один из халхаских князей западной части Монголии, по имени Саин-Наин-Хан, в местности Хукшин Тэли, издает одно из сочинений Будды – Ганжур. Издание это будет замечательно тем, что оно будет написано по черной толстой бумаге девятью, имеющими символическое значение красками, а именно: золотом, медью, железом, жемчугом, налитом (синий камень), луном (белые раковины), аю (зеленый камень), серебром и кораллом. Все издание будет состоять из 108 томов по 360 листов в каждом томе, длина листа один аршин, ширина – шесть вершков. Вес в деревянных папках будет равняться двумстам пудам. Перепиской, приготовлением бумаги и красок занято в настоящее время сорок восемь человек. Со временем число переписчиков должно увеличиться. При успешной работе труд этот будет окончен не ранее, как через пять лет. Стоимость издания, не считая работ по переписке, обойдется до 20'000 лан, что составит на кредиты, по теперешнему курсу серебра, до 250'000 рублей. Средства для этого – пожертвования» [1, с. 4].

Понятно, что интерес ставропольской читающей публики к подобным темам во многом был вызван тем фактом, что в населении губернии немалую долю составляли калмыки-буддисты. Их вера и уклад жизни, конечно, вызывали неподдельное любопытство в Ставрополе.

В 1902 году губернская газета опубликовала еще одно знаковое сообщение в том же духе – о планах строительства в российской столице святилища для буддистов: «Буд-

дийский храм в Петербурге. В Петербурге сооружается буддийский храм для китайского идолослужения. Место для этого языческого капища избрано вблизи Таврического сада. Закладка здания состоится с подобающе торжественностью по прибытии нового китайского посланника. По слухам, князь Ухтомский, редактор «Санкт-Петербургских Ведомостей», жертвует для этого храма великолепную бронзовую статую Будды и, кроме того, целую коллекцию маленьких Будд с четырьмя, пятью и даже восьмью руками. На Парижской выставке эти боги князя Ухтомского производили фурор» [2, с. 3].

И это далеко не единственные заметки о буддизме, появившиеся в начале XX века на страницах ставропольских газет. Данной теме уделяли внимание не только журналисты, но и историки. В Музее Северного Кавказа, который создал Г.Н. Прозрителев, калмыкам и их религии была посвящена отдельная экспозиция. До нас дошли ее дореволюционные фотоснимки и скупое описание: «За стеклами выставлен калмыцкий хурул с полной обстановкой и священнослужителями. «Что же кал-

мыки не молятся и в трубу не трубят? Знать, нас перепугались», – острит молодой солдатик с рукой на перевязке» [4, с. 67].

В советские времена буддийская экспозиция из Ставропольского краеведческого музея исчезла и была восстановлена лишь в 90-е годы прошлого века. Сегодня в ней выставлены уникальные бронзовые статуи Будд, наполненные святынями, которые из Больше-Дербетовского улуса привез сам Прозрителев. Есть там и замечательные фотографии, и свитки с буддийскими мантрами, и хурульные музыкальные инструменты, но самое главное – трехметровая, вышитая шелком калмыцкая тханка Зеленой Тары.

Все эти вещи являются яркими свидетельствами того, что когда-то тибетский буддизм пустил глубокие корни в Ставропольской губернии, сделавшись одним из самых загадочных и притягательных явлений в ее культуре, роднящим ее провинциальное бытие с эзотерическими доктринами Страны Снегов, с ее великими духовными достижениями и мистическими практиками.

Литература

1. Буддийская библия (Заграничная жизнь) // Северный Кавказ. – 1902. – №77. – 29 июня.
2. Буддийский храм в Петербурге (По России) // Северный Кавказ. – 1902. – № 79. – 4 июля.
3. Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску 50-му (Хроника и библиография, выпуск 24). – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913.
4. Отчет о деятельности Ставропольской Ученой Архивной Комиссии за 1914 год. – Ставрополь: Тип. С.В. Хаймовича, 1915.
5. Современное положение калмыцкого духовенства // Северный Кавказ. – 1902. – № 85. – 18 июля.
6. Соснина Е. Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». – Пятигорск: Спецпечать, 2003.
7. Фарфоровский С. В. Калмыки Ставропольской губернии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40-й (Отдел первый). – Тифлис: Канц. Наместника Его Императорского Величества на Кавказе и К. Козловского, 1909.
8. Фокин А. А., Нутрихин Р. В. Мистический свет Азии в творчестве Ильи Сургучева // Теегин Герл [Свет в степи]. – 2010. – № 6.
9. Фокин А. А., Нутрихин Р. В. Сакральный символизм Востока в архитектурном и литературном тексте города Ставрополя // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе. – Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2006.